

Николай Михайловский

О Достоевском и г. Мережковском

Николай Константинович Михайловский

О Достоевском и г. Мережковском

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2447675

Н. К. Михайловский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Свое внимание Достоевский устремляет на широкие общие основания общественной жизни, так или иначе, но постоянно связывая их с „вековыми“ вопросами о Боге, бессмертии и проч. И тем не менее трудно с определенностью сказать, что именно он обо всем этом думал...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Николай Константинович Михайловский О Достоевском и г. Мережковском

В одной из бесед Ивана Карамазова с братом Алешей есть, между прочим, одно интересное место: «Ведь русские мальчишки как до сих пор орудуют? Иные то есть? – говорит Иван. – Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну те о социализме или анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчишков только и делают, что о вековых вопросах говорят у нас в наше время». Алеша соглашается с этим. «Да, – говорит он, – настоящим русским вопросы о том: есть ли Бог, есть ли бессмертие, или, вот как ты говоришь, вопросы с другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да так и

надо»^[1]. Надо заметить, что Иван Карамазов вполне сочувствует «русским мальчикам», сам себя к ним причисляет и противопоставляет им «стариков», которые «теперь (в конце 70-х годов) все полезли вдруг практическими вопросами заниматься».

Оставляя в стороне «русских мальчиков» или «молодую Россию», как их тут же называет Иван Карамазов, следует заметить, что самого Достоевского всегда занимали «вековые» вопросы; и именно в двойной постановке их Иваном Карамазовым. Под «практическими» вопросами, которые Иван Карамазов презрительно предоставляет старикам, следует разуместь вопросы практические в тесном смысле – хозяйственные, технические. Свое внимание Достоевский устремляет на широкие общие основания общественной жизни, так или иначе, но постоянно связывая их с «вековыми» вопросами о Боге, бессмертии и проч. И тем не менее трудно с определенностью сказать, что именно он обо всем этом думал.

В 1875 году по поводу моей статьи о его романе «Бесы» он писал: «Смею уверить г. Н. М., что „лик мира сего“ мне самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его – это чрезвычайно поразило меня в писателе, который, по-видимому, так много занима-

^[1] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 14. Л., 1976, с. 213.

ется этими темами»^[2]. Достоевский выражал тогда сожаление, что не удосужился возразить мне, и обещал вернуться к вопросу о взаимных отношениях атеизма и социализма. Но обещания этого он не исполнил, и мы имеем только отрывочные замечания его на эту тему, вдобавок большею частью не прямо от своего имени им изложенные, а вложенные в уста разных действующих лиц его романов и повестей. Это, конечно, еще более затрудняет возможность разобраться в его мыслях.

Что касается «лика мира сего», то, полный всякого рода несовершенств и изъянов, он, без сомнения, «очень не нравился» Достоевскому, да едва ли можно найти хоть одного человека, которому бы он очень нравился. Но именно поэтому выражение Достоевского слишком обще, неопределенно и бессодержательно. Всем не нравится лик мира сего, все желали бы видеть его лучшим, чем он есть в настоящую минуту, но вопрос в степени и характере этого недовольства, – в какой мере и с какой точки зрения не нравятся те или другие черты лика, во имя каких начал они отрицаются. И вот это-то, по-видимому, частности и подробности, в которых, однако, заключается суть дела, остаются у Достоевского неразъясненными; тем более что, как уже сказано, не всегда легко извлечь его собственные мысли из речей его действующих лиц.

В «Идиоте» Евгений Павлович Радомский высказывает

^[2] Там же, т. 21, с. 157.

мысль, несомненно, близкую автору, о том, что у нас «нападение на существующие порядки есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию»^{3}. Россия же должна непоколебимо верить в себя, в свое великое призвание, потому что – читаем в «Дневнике писателя» за 1877 год – «всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтобы стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной»^{4}. Так было некогда с древним Римом, с Римом католическим, с Францией, с Германией; теперь наступил черед России, начало чего Достоевский видел в последней русско-турецкой войне, предсказывая, что ею начнется новая эра всемирной истории. Подтверждением этого служил для него не только объективный ход событий, как он ему представлялся, а и некоторые свойства национального русского духа, между прочим, самое неверие в грядущее верховенство России. Вы, говорил он, обращаясь к скептикам, верите в грядущее объединение всех наций в общечеловеческой цивилизации; но эта вера и есть национальная русская идея, и «славянофилы и националисты верят точь-в-точь тому же самому, как и вы, да еще покреп-

^{3} Там же, т. 8, с. 277.

^{4} Там же, т. 25, с. 17.

че вашего». Это придавало в глазах Достоевского идее народа в смысле нации какое-то мистическое освещение. Говоря о Герцене и других эмигрантах 40-х годов, он писал в «Дневнике писателя» за 1873 год: «Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа, они, естественно, потеряли и Бога. Беспокойные из них стали атеистами, вялые и спокойные – индифферентными»^[5]. Князь в «Идиоте» сочувственно приводит слова какого-то купца-старообрядца: «Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет» – или: «Кто от родной земли отказался, тот и от Бога своего отказался»^[6]. Шатов в «Бесах» утверждает то же самое: «У кого нет народа, у того нет и Бога. Знайте наверно – продолжает он, – что все те, которые перестают понимать свой народ и теряют с ним свои связи, тотчас же по мере того теряют и веру отеческую, становятся или атеистами, или равнодушными». И затем Шатов объединяет выше приведенную мысль самого Достоевского и свою собственную, прибавляя к ним еще мысли Ставрогина. Выходит так: русский народ есть «теперь на всей земле единственный народ-богоносец, грядущий обновить и спасти мир именем нового Бога и ему единому даны ключи жизни и нового слова... атеист не может быть рус-

^[5] Там же, т. 21, с. 9.

^[6] Там же, т. 8, с. 452, 453.

ским... не православный не может быть русским... Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца. Никогда еще не было, чтобы у всех или многих народов был один общий бог, но всегда и у каждого был особый. Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог... Народ – это тело Божие. Всякий народ до тех пор только и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных богов на свете исключает без всякого примирения; пока верует в то, что своими богами победит и изгонит всех остальных богов» и т. д. и т. д. Выслушав эту пламенную речь, которою Шатов напоминает Ставрогину и его собственные мысли, Ставрогин обливает оратора холодной водой вопроса: «Веруете вы сами в Бога или нет?» К удивлению, Шатов затрудняется ответом. «Я верую в Россию, – говорит он, – я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую...». «А в Бога, в Бога?» – нетерпеливо перебивает Ставрогин. «Я... я *буду*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания